

2026. 13 (3)

Asian Journal

"STEPPE PANORAMA"

ISSN 3135-8055

ISSN 3135-8055 (online)

Құрылтайшысы және баспагері: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2025 ж. 5 сәуірде тіркелген. Тіркеу нөмірі № KZ91VPY00116246. Жылына 6 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Журналда тарих ғылымының *келесі бағыттары* бойынша ғылыми жұмыстар жарияланады: тарих, этнология.

Жарияланым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын.

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Журнал сайты: <https://ajspiie.com>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты 2026
© Авторлар ұжымы, 2026

БАС РЕДАКТОР

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР ҒЖБМ ҒКШ. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас директоры. (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Аутрам Алан (Outram Alan) — археология ғылымдарының докторы, Эксетер университеті, тарих және археология кафедрасының профессоры. (Ұлыбритания)

Аширов Адхамжон Азимбаевич — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Тарих институтының Этнология және антропология орталығының меңгерушісі. (Өзбекстан)

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Парламенті Мәжілісінің депутаты. (Қазақстан)

Әлімбай Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Вернер Кунтһиа (Werner Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті. (АҚШ).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті. (АҚШ)

Жаркен Айгүл Мәлікқызы — тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. (Қазақстан)

Кригер Виктор (Kriege Viktor) — тарих ғылымдарының докторы, Нюрнбергтегі Бавариялық немістер мәдени орталығының (BKDR) ғылыми қызметкері. (Германия)

Оайон Изабель (Ohayon Isabelle) — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, CERCEC директорының орынбасары, Францияның Ұлттық ғылыми зерттеу орталығының (CNRS) қызметкері. (Франция)

Сабурова Татьяна — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Индиана университеті. (АҚШ)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, Оксфорд университетінің профессоры. (Ұлыбритания)

Мунинов Ашірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті. (Литва)

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Болон ғылым академиясының корр. -мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)

Томохико Уяма — PhD, Хоккайдо университетінің Славян және Еуразиялық зерттеулер орталығының профессоры (Жапония)

Ян У. Кэмпбелл (Ian W. Campbell) — PhD, Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Қайпбаева Айнагүл Толғанбайқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Қапаева Айжан Тоқанқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Кубеев Рустем Жаулыбайұлы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Бурханов Бимурад Бадритдинұлы — магистр, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ISSN 3135-8055 (online)

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова»
Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации
Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство о
регистрации:

№ KZ91VPY00116246 от 03. 04. 2025 г. Публикуется 6 раз в год (в электронном формате).

В журнале публикуются научные работы *по следующим направлениям* исторической науки:
история, этнология.

Языки публикации: казахский, русский, английский.

Адрес редакции и издательства:

050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28

РГП на ПХВ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Сайт журнала: <https://ajspiie.com>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, генеральный директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, Депутат Мажилиса Парламента РК. (Казахстан)

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Аутрам Алан (Outram Alan) — доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории Университета Эксетера. (Великобритания)

Аширов Адхамжон Азимбаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром этнологии и антропологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан. (Узбекистан)

Вернер Синтия (Werner, Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет. (США)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет (США)

Жаркен Айгуль Маликовна — доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва. (Казахстан)

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени Аль Фараби. (Казахстан)

Кригер Виктор (Kriege Viktor) — доктор исторических наук, научный сотрудник Баварского культурного центра немцев (BKDR) в Нюрнберге. (Германия)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета. (Великобритания)

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры. IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция)

Оайон Изабель (Ohayon Isabelle) — кандидат исторических наук, профессор, заместитель директора CERCEC, сотрудник Национального центра научных исследований Франции (CNRS). (Франция)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет. (Литва)

Сабурова Татьяна — доктор исторических наук, профессор, Университет Индианы. (США)

Таймагамбетов Жакен Кожаметович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК. (Казахстан)

Томохико Уяма — PhD, профессор Центра славяно-евразийских исследований Хоккайдского университета (Япония)

Ян Кэмпбелл (Ian W. Campbell) — PhD, профессор Калифорнийского университета (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Капаева Айжан Токановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

Кубеев Рустем Джаулыбайулы — научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Бурханов Бимурад Бадритдинович — магистр, научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

ISSN 3135-8055 (online)

Founder and publisher: RSE on REM" Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology" of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, registration certificate: No. KZ91VPY00116246 dated 03. 04. 2025. The journal is published 6 times a year (in electronic format).

The journal publishes scientific works in the *following areas* of historical science: history, ethnology.

Publication languages: Kazakh, Russian, English.

Editorial and publisher address:

28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan

RSE on REM Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MSHE of the Republic of Kazakhstan

Tel.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Journal website: <https://ajspiie.com>

© Ch.Ch. Valikhanov Institute
of History and Ethnology, 2026
© Group of authors, 2026

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal "Steppe Panorama"
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 3135-8055.
Vol. 13. Is. 3, pp. 705-724, 2026
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03. 20
https://doi.org/10.51943/3135-8055_2026_13_3_705-724

SOCIAL POLICY AND WOMEN'S HEALTH IN KAZAKHSTAN IN THE 1920s–1930s: A HISTORICAL-SOCIAL ANALYSIS

Aizhan T. Kapaeva¹, Didar B. Kassymova², Arailym N. Konkabaeva^{3}*

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Str., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Str., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
 <https://orcid.org/0000-0001-8521-9818>. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

³Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Str., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan)
2nd-year PhD student of Al-Farabi Kazakh National University, Senior Researcher
 <https://orcid.org/0000-0001-5543-1172>. E-mail: konkabayeva.arailym@mail.ru
*Corresponding author

© Valikhanov IHE, 2026
© Kapaeva A., Kassymova D., Konkabaeva A., 2026

Abstract. Introduction. This article examines the contradictions of Soviet social policy toward women in Kazakhstan in the 1920s–1930s within the context of industrialization and broader modernization processes. The proclaimed gender equality was accompanied by structural measures, including the establishment of women's departments (zhenotdels), the development of the healthcare system, and expanded access to education and employment. However, in the Kazakh context, the implementation of these policies was highly contradictory and largely dependent on specific socio-economic and cultural conditions. These processes unfolded in the context of an underdeveloped healthcare system, particularly in nomadic and semi-nomadic regions, which exacerbated the problem of women's health. *Goals and objectives* of the study are to analyze the impact of social policy and industrial labor on women's health. The objectives include identifying key factors affecting women's health, assessing the influence of traditional practices (early marriage, high fertility), and examining labor conditions and the nature of women's integration into production. *Results.* The findings demonstrate that both healthcare provision and women's health were in a critical condition during the period under study. In most regions, especially in nomadic auls, medical infrastructure was absent, and there was a severe shortage of personnel. Childbirth predominantly took place at home without professional medical assistance, increasing the risks of maternal and infant mortality. The prevalence of early marriages, high fertility, and heavy physical labor created a cumulative burden on women's health. *Conclusion.* The study concludes that Soviet social policy was inherently contradictory: while expanding women's participation in public life, it simultaneously preserved and reproduced

socio-economic and cultural factors that constrained their real opportunities. Women's health thus serves as a key indicator of the contradictions of Soviet modernization, revealing the gap between declared policy goals and lived realities.

Keywords: women's health, early marriage, shortage of medical personnel, cultural context, women's labor participation

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant-funded project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan "Social Policy in Kazakhstan in Historical Dynamics (1920s–1980s)" (Grant No. AP23490001).

For citation: Kapaeva A., Kassymova D., Konkabaeva A. Social policy and women's health in Kazakhstan in the 1920s–1930s: a historical-social analysis // Asian Journal "Steppe Panorama". 2026. Vol. 13. No. 3. Pp. 705–724. (In Rus.). DOI: 10. 51943/3135-8055 _2026_13_3_705–724

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1920–1930-ЖЫЛДАРДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК САЯСАТ ЖӘНЕ ӘЙЕЛДЕР ДЕНСАУЛЫҒЫ: ТАРИХИ-ӘЛЕУМЕТТІК ТАЛДАУ

Қапаева Айжан Тоқанқызы¹, Қасымова Дидар Бейсенғалиқызы²,
Қоңқабаева Арайлым Нұрболатқызы^{3*}

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, бас ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0001-8521-9818>. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

³Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің 2-курс докторанты,
аға ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0001-5543-1172>. E-mail: konkabayeva.arailym@mail.ru
*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Қапаева А.Т., Қасымова Д.Б., Қоңқабаева А.Н., 2026

Андатпа. Мақалада 1920–1930 жылдардағы Қазақстандағы әйелдерге қатысты кеңестік әлеуметтік саясаттың қайшылықтары индустрияландыру және кең ауқымды жаңғырту үдерістері аясында қарастырылады. Жарияланған гендерлік теңдік әйелдер бөлімдерін (женотделдер) құру, денсаулық сақтау жүйесін дамыту, білім мен еңбекке қолжетімділікті кеңейту сияқты құрылымдық шаралармен қатар жүрді. Алайда Қазақстан жағдайында бұл саясатты жүзеге асыру қайшылықты сипатқа ие болды және әлеуметтік-экономикалық әрі мәдени ерекшеліктерге тәуелді болды. Бұл үдерістер әсіресе көшпелі және жартылай көшпелі аймақтарда денсаулық сақтау жүйесінің әлсіз дамуы жағдайында жүзеге асып, әйелдер денсаулығы мәселесін күрделендірді. Зерттеудің мақсаты — әлеуметтік саясат пен индустриялық еңбектің әйелдер денсаулығына әсерін талдау. Міндеттері: әйелдер денсаулығына әсер ететін негізгі факторларды анықтау; дәстүрлі тәжірибелердің (ерте неке, жоғары туу деңгейі) ықпалын бағалау; әйелдердің еңбек жағдайларын және оларды өндіріске тарту ерекшеліктерін зерттеу. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, қарастырылып отырған кезеңде медициналық көмек жүйесі де, әйелдер денсаулығы да күрделі жағдайда болды. Көптеген өңірлерде, әсіресе көшпелі ауылдарда, медициналық инфрақұрылым болмады және

кадрлар тапшылығы айқын байқалды. Босану көбінесе медициналық көмексіз үй жағдайында өтті, бұл ана мен нәресте өлім-жітімінің артуына әкелді. Ерте некелердің кең таралуы, жоғары туу деңгейі және ауыр физикалық еңбек әйелдердің денсаулығына жиынтық жүктеме түсірді. Зерттеу қорытындысында әлеуметтік саясаттың қайшылықты сипаты айқындалды: әйелдердің қоғамдық өмірге қатысуын кеңейте отырып, ол олардың нақты мүмкіндіктерін шектейтін әлеуметтік-экономикалық және мәдени факторларды сақтап қалды және қайта өндірді. Осы тұрғыдан әйелдер денсаулығы кеңестік жаңғырту үдерістерінің қайшылықтарын көрсететін маңызды индикатор ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: әйелдер денсаулығы, ерте неке, медициналық кадрлар тапшылығы, мәдени ерекшеліктер, әйелдерді өндіріске тарту

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалды: «Қазақстандағы әлеуметтік саясаттың тарихи динамикасы (XX ғ. 20–80 жж.)» (тіркеу № AP23490001).

Дәйексөз үшін: Қапаева А.Т., Қасымова Д.Б., Қоңқабаева А.Н. Қазақстандағы 1920–1930-жылдардағы әлеуметтік саясат және әйелдер денсаулығы: тарихи-әлеуметтік талдау // Asian Journal «Steppe Panorama». 2026. Т. 13. № 3. 705–724 бб. (Орыс.). DOI: 10. 51943/3135-8055_2026_13_3_705–724

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЖЕНСКОЕ ЗДОРОВЬЕ В КАЗАХСТАНЕ В 1920–1930-Е ГГ.: ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Капаева Айжан Токановна¹, Касымова Дидар Бейсенгалиевна²,
Конкабаева Арайлым Нурболатовна^{3*}

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, Алматы, 050010, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, Алматы, 050010, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0001-8521-9818>. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

³Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, Алматы, 050010, Республика Казахстан)
Докторант 2-го курса Казахского национального университета имени Аль-Фараби,
старший научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0001-5543-1172>. E-mail: konkabayeva.arailym@mail.ru

*Автор-корреспондент

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Капаева А. Т., Касымова Д.Б., Конкабаева А.Н., 2026

Аннотация. Введение. Статья анализирует противоречия советской социальной политики в отношении женщин в Казахстане в 1920–1930-е гг. в контексте индустриализации и модернизационных трансформаций. Провозглашённое равноправие женщин сопровождалось структурными мерами: созданием сети женских отделов (женотделов), развитием системы здравоохранения, расширением доступа к образованию и трудовой занятости. Однако в условиях Казахстана реализация этих задач носила противоречивый характер и во многом зависела от специфики социально-экономического и культурного уклада. Эти процессы разворачивались в условиях слабой развитости системы здравоохранения, особенно в кочевых и полукочевых районах, что обостряло проблему женского здоровья. *Цель и задачи*

исследования – анализ влияния социальной политики и индустриального труда на состояние женского здоровья. В задачи входит выявление основных факторов, определявших уровень здоровья женщин, оценка влияния традиционных практик (ранние браки, высокая рождаемость), а также изучение трудовой нагрузки и условий вовлечения женщин в производство. *Результаты.* Выявлено, что состояние медицинской помощи в целом и женского здоровья в частности в рассматриваемый период находилось в бедственном положении. В большинстве регионов, особенно в кочевых аулах, отсутствовала медицинская инфраструктура и наблюдался острый дефицит кадров. Роды преимущественно происходили в домашних условиях без медицинской помощи, что повышало риски материнской и младенческой смертности. Распространённые ранние браки, высокая рождаемость и тяжёлый физический труд формировали совокупную нагрузку на организм. *Заключение.* Сформулирован вывод о противоречивом характере социальной политики: способствуя расширению участия женщин в общественной жизни, она одновременно сохраняла и воспроизводила социально-экономические и культурные факторы, ограничивавшие реальные возможности женщин. Женское здоровье выступает основным индикатором противоречивости советской модернизации, демонстрируя разрыв между декларируемыми целями социальной политики и реальными условиями жизни.

Ключевые слова: женское здоровье, ранние браки, дефицит медицинских кадров, специфика культурного уклада, вовлечение женщин в производство

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Социальная политика в Казахстане в исторической динамике (20–80-е годы XX в.)» (регистрационный номер ГФ АР 23490001).

Для цитирования: Капаева А.Т., Касымова Д.Б., Конкабаева А.Н. Социальная политика и женское здоровье в Казахстане в 1920–1930-е гг.: историко-социальный анализ // Asian Journal «Steppe Panorama». 2026. Т. 13. № 3. С. 705–724. (На рус.). DOI: 10. 51943/3135-8055_2026_13_3_705–724

Введение

1930-е годы в Казахстане стали временем радикальных социально-экономических преобразований. Политика коллективизации, насильственной седентаризации кочевого населения, ускоренной индустриализации и административно-командных методов регулирования хозяйства привела к глубоким изменениям образа жизни и жизненных условий. Параллельно разворачивалась гуманитарная катастрофа — голод 1931–1933 гг., приведший к масштабным демографическим потерям. Женское здоровье в этот период становилось одной из наиболее уязвимых сфер, отражая одновременно и структурные условия советской модернизации, и специфику положения женщин в традиционном казахском обществе.

Последствия голода проявлялись на всех уровнях физиологического и социального состояния женщин. Хроническое недоедание приводило к истощению, гормональным нарушениям, снижению репродуктивной функции и росту материнской смертности. Осложнённые роды, массовая гибель новорождённых и падение рождаемости отражали комплексные воздействия голода на женское здоровье. Слабость и истощение матерей становились причиной высокой младенческой смертности, усиливая демографический кризис.

Коллективизация и административные реформы привели к ослаблению традиционных форм медицинской помощи, прежде всего институтов народных акушеров. Их деятельность дискредитировалась советской властью как «пережиток», однако государственная система здравоохранения не успела сформироваться. В результате женщины оказывались практически лишёнными медицинской поддержки в период беременности и родов.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составили различные группы исторических материалов, позволяющие реконструировать состояние женского здоровья и особенности

реализации социальной политики в Казахстане в 1920–1930-е гг. В первую очередь использованы архивные документы республиканских архивов АП РК и ЦГА РК. В АП РК проводилась работа с документами Киргизского областного комитета РКП(б) (Киробком РКП(б)), Казахского краевого комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков: материалами по работе среди женщин, материалами по отмене калыма, докладами, сводками о медико-санитарном обслуживании населения и т. д. В ЦГА РК изучены документы Народного комиссариата социального обеспечения КазАССР (Наркомсобес), Комитета по улучшению труда и быта женщин при ЦИК КАСР, Центральной детской комиссии по улучшению жизни детей. Интересный материал содержат фонды Народного комиссариата труда, Казахского краевого НИИ социального здравоохранения и гигиены Наркомата здравоохранения КазАССР, Казахского института охраны материнства и младенчества Наркомата здравоохранения КазАССР. Архивные документы органов власти (фонды органов здравоохранения, партийных и советских учреждений) содержат статистические сведения о состоянии медицинской сети, обеспеченности кадрами (включая акушерскую службу), уровне материнской и младенческой смертности, а также отчёты о реализации программ охраны материнства и детства.

В статье использованы документы российских архивов ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) и РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). В ГАРФ проведена работа с Ф. Р9553 — Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, Ф. 5515 — Народный комиссариат труда (Наркомтруд). В РГАСПИ проведена работа с фондом 17, оп. 121, 122: докладными записками, письмами о строительстве промышленных предприятий, о снабжении населения продовольствием и промышленными товарами, о привлечении национальных кадров к работе на промышленных предприятиях.

Положению казахской женщины в традиционном обществе посвящено значительное число научных работ и наблюдений, оставленных исследователями и путешественниками. Однако положение казахских женщин в период трансформации традиционного уклада в первые годы советской власти остаётся недостаточно изученным. Особенно мало работ, посвященных здоровью женщины-казашки. Вопросам брака и семьи у казахов посвящена монография Х.А. Аргынбаева. В работе рассматриваются семейно-брачные отношения, а также обычаи и обряды казахского народа. Освещение процесса освобождения казахской женщины под влиянием советских реформ представлено в работах Н. Сабитова и В. Вострова.

В 1960-е гг. появляются первые монографические исследования, посвящённые вопросам женского образования и здравоохранения. Существенный вклад внесли этнографические работы И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, в которых рассматривались аспекты традиционной культуры, в том числе элементы женской одежды (Захарова, Ходжаева, 1964).

Социальному статусу казахской женщины посвящено исследование И.В. Стасевич, в котором рассмотрено положение казахской женщины в традиционной и современной культуре (Стасевич, 2011).

Достижения женщин в области образования и производственной деятельности нашли отражение в работах Кунантаевой К. и Г.А. Майлыбаевой (Кунантаева, Майлыбаева, 1975).

В статье Д.А. Аманжоловой «Женский вопрос в 1920–1930-е гг. в советской национальной политике: некоторые проблемы изучения» анализируется сущность советской национальной политики в отношении женщин в 1920–1930-е гг. в контексте современной историографии неокOLONIALИЗМА (Аманжолова, 2024: 22–36).

Ж. Кундакбаева отмечает, что большевики обладали целостным проектом социального моделирования и осознанно учитывали традиционные культурные стереотипы и реальную социально-бытовую ситуацию в Казахстане. По её мнению, ими был сформирован идеологический конструкт «новая советская женщина», который целенаправленно транслировался в массовое сознание с учётом специфики положения женщины в казахском обществе (Кундакбаева, 2017: 226; 24).

Особенности раскрепощения женщин «националок» рассмотрены в ряде работ Ю. Градской (Градскова, 2011), А. Бисеновой (Бисенова, 2023).

Политика большевиков по эмансипации женщин в Средней Азии стала предметом нескольких солидных исследований зарубежных авторов — А.Л. Эдгар, Gregory J. Massell, Kamp M., Northrop D., Michaels Paula A.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, сочетающий методы исторического, социального и гендерного анализа. Применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный подходы, позволяющие проследить изменения в традиционном обществе и в 1920–1930-е гг. под влиянием советских реформ.

Анализ источников осуществлялся с использованием элементов дискурсивного подхода, направленного на выявление расхождений между нормативно-идеологическими установками советской власти и практиками их реализации. Особое внимание уделено категории «женского здоровья» как показателю, отражающему влияние социально-экономических и культурных факторов. Комплексное использование указанных методов позволило выявить структурные противоречия социальной политики и оценить её реальные последствия для женского населения Казахстана.

Обсуждение

Развитие медицинской сети в Казахстане в 1920–1930-х годах находилось на начальной стадии. Географическая раздробленность, нехватка кадров и материальных ресурсов делали медицину малодоступной. «Акушерская помощь населению. Количество акушерок в начале 1927 г. было по КССР 121. В 1928 г. было 252 акушерки, которые были распределены следующим образом: в окружных городах — 95, в прочих городах — 30, в сельской местности — 111, в рабочих районах — 16. Акушерский персонал сосредоточен почти исключительно в городах. Среди кочевого населения акушерская помощь отсутствует. Специальных родильных коек в КССР, по данным 1925/26 гг., 242, из них 222 в городах и 20 коек в сельской местности» (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 20. Л. 47). По линии Наркомздрава было принято решение при «крупных губбольницах открыть краткосрочные курсы главным образом для киргизок по подготовке повивальных бабок (акушерок)» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 953. Л. 61).

Положение дел в сфере родовспоможения в КССР крайне тяжелое. По данным фонда Ф. 248 Комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин при ЦИК Казахской АССР, в тезисах к докладу о состоянии охраны материнства и младенчества отмечалось, что в 1928 г. на территории республики функционировало всего 392 родильные койки. Распределение родильных коек по округам крайне неравномерно: Адаевский и Каракалпакские округа родильных коек не имеют совсем; в Кызыл-Орде — 10 коек, в Гурьевской — 15, Акмолинской — 30, Актюбинске — 12, Кустанайской — 15, Петропавловске — 71, Уральской — 82, Семипалатинской — 52. Распределение коек было следующим: в столице 0, 41 на 1000 населения, в прочих городах 0, 47 и 0, 017 в сельской местности на 1000 населения (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 66).

Организации разъездной акушерской помощи в сельских местностях (оседлых) препятствует отсутствие акушерок, в кочевых, кроме того, постоянных медицинских участков — как базы для развертывания акушерской помощи.

Низкая оплата труда акушерок (45–60 руб. в месяц), неимоверно тяжелые условия жизни в степи — весьма серьезные причины, препятствовавшие налаживанию акушерской помощи в аульно-сельской местности.

Чрезвычайно малое количество родильных коек и почти полное отсутствие их в деревне и особенно ауле и кишлаке: одна родильная койка на 54 800 чел.; 1 койка на 163 600 чел.; 1 родильная койка на 509 000 чел. — отмечается в резолюции совещания при Крайженотделе по докладу инспектора охраны материнства и младенчества при Наркомздраве (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 83).

Для развития медицины и подготовки медицинских кадров, которых так не хватало в 20-е годы XX в., огромную роль сыграли первые дипломированные врачи — женщины-

казашки Гульсум Асфендиярова и Аккагаз Досжанова, которые получили высшее медицинское образование в Санкт-Петербурге и Ташкентском Средне-Азиатском университете (Аккагаз Досжанова начинала учебу в Томском медицинском институте). Они открыли первые курсы медсестер для казахских женщин и девушек. Гульсум Асфендиярова специализировалась на акушерстве и гинекологии, она впервые в регионе провела на тот период времени уникальную операцию кесарева сечения. Открыла первый частный родильный дом, тем самым спасла жизни тысяч рожениц и детей. Получение высшего медицинского образования девушками-казашками являлось редким и во многом уникальным явлением, что было обусловлено политическими и социально-экономическими условиями республики в начале XX в. Завершение учебы в вузе Аккагаз Досжановой было целым событием, о котором написала газета «Правда» — главный орган большевиков: «Совнарком Туркестанской республики постановил:»Выдать премию в 100 000 рублей и оборудовать за свой счет кабинет женщине-врачу казашке А. Досжановой, окончившей осенью этого года медицинский факультет Туркестанской республики, получившей высшее образование» («Правда. 1922. 18 декабря). Аккагаз Досжанова в 1921–1922 гг. работала в Ташкенте, куда прибывали эшелоны из голодающих районов Поволжья, Урала, Казахстана с детьми и взрослыми. Воспитатели, учителя во главе с Аккагаз встречали эшелоны, оказывали первую медицинскую помощь. Проводили тщательный осмотр прибывших детей и женщин, больных отправляли в больницы или интернаты-изоляторы, поставив предварительный диагноз и сделав необходимые рекомендации по лечению. Обе первые женщины-казашки — Гульсум Асфендиярова и Аккагаз Досжанова — помимо медицинской помощи, проводили огромную общественную работу по просвещению женщин-казашек. А. Досжанова опубликовала немало статей на социально-политические, культурно-просветительские, медицинские темы в журналах «Степная правда», «Әйел теңдігі» («Равенство женщин»), «Абай», «Жас азамат» («Молодой гражданин») и др. (Тайжанов, 2016: 91–96). В журнале «Әйел теңдігі» (1926, № 2–3) была опубликована статья Досжановой Аккагаз «Толғатқан әйелді күту, жаңа босанған әйелге жәрдем беру» («Уход за новорожденным и молодой мамой»), в которой рассматриваются основные этапы подготовки женщины к родам, сам процесс родоразрешения, а также первичные процедуры ухода за новорожденным и роженицей. Автор — врач — предостерегает от распространенных в казахской среде традиционных практик, подчёркивая, что «при появлении головки ребёнка недопустимо насильственно выталкивать его наружу или стягивать талию роженицы тканью, как это нередко делали шаманы. Подобные действия не только не способствуют родам, но и могут существенно осложнить состояние женщины» (Әйел теңдігі, 1926).

Большим достижением в подготовке акушерок-казашек надо считать открытие в Казахстане двух акушерских техникумов. Без подготовки акушерок из женщин-казашек проблему родоразрешения (аульно-сельского населения) решить невозможно.

Распределение родильных коек по территориальному признаку:

Название террит. Кол-во род. коек на тысячу чел. нас.

Окружные города 239 0, 71

Прочие города 45 0, 36

Аульно-сельские 108 0, 017

В условиях традиционной культуры девушек рано выдавали замуж в 12–13 лет (чаще не по своей воле), когда организм еще не готов к деторождению, что создавало определенные риски: осложненные роды, хроническое истощение организма и даже смертность. Высокий уровень младенческой смертности, в свою очередь, способствовал поддержанию высокой рождаемости, формируя замкнутую систему демографического воспроизводства.

11 октября 1925 г. на Совещании Краевого женотдела под председательством Алмы Уразбаевой был рассмотрен вопрос «Об установлении брачного предельного возраста для казахских женщин». Постановление данного совещания гласило: «Считать предельный возраст для вступления в брак казахской женщины не ранее 17 лет» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 406. Л. 92). В своем докладе заведующая отделом работниц Казкрайкома ВКП(б)

А. Уразбаева отмечала, что было проведено специальное медицинское обследование отрядами Казнаркомздрава, которое пришло к следующим выводам: «Среднее появление месячных у казахских женщин примерно 15 лет, средняя беременность — 19 лет, наибольшее количество первых родов падает на 20 лет, т. е. 75, 8%. Эти данные вконец разбивают существовавшее до сих пор в общественных слоях мнение, что, якобы, казахская женщина рано созревает и ее допустимо выдавать замуж в 13–14 лет» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 412. Л. 136).

Женщины-казашки традиционно выполняли огромную работу по хозяйству. Женщина занималась выгоном и дойкой скота, приглядывала за молодняком, готовила пищу, мыла и чистила посуду, убиралась в юрте, заготавливала топливо. Еще одной обязанностью казахской женщины было изготовление «кизяков», которые являлись в степном крае единственным «топливом». В остальное время она ухаживала за маленькими детьми, занималась прядением шерсти, ткачеством, валянием кошм, вышиванием. «Казачки (киргизки) ухаживали за скотом, помогают мужу в рыболовстве, по засолке рыбы, в свободное время прядут шерсть, из которой «ткнут алаша», «качем», «баскур». Нитки прядут из бараньей шерсти» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1003. Л. 35). Конечно, изнурительным домашним трудом не занимались казашки в состоятельных семьях, которые могли нанять прислугу или бедных родственников, согласившихся работать по хозяйству за небольшую плату или предоставленную их семьям услугу, скажем, в приобретении скота. Поэтому бывало, что в обычных семьях женщины с радостью воспринимали новость об очередной женитьбе их мужа, так как с приходом новой жены в доме появлялась дополнительная пара рабочих рук. Иногда старшая жена сама подбирала для мужа новую невесту, а после заключения брака относилась к ней как к невестке (Стасевич, 2011: 62).

Беременная женщина за сорок дней до родов, как правило, освобождалась от тяжелой работы и могла не соблюдать религиозный пост. Однако эти нормы соблюдались далеко не всегда. В условиях кочевого образа жизни основная хозяйственная нагрузка по-прежнему ложилась на женщину. Нередко женщины продолжали работать до самых родов и в отдельных случаях рожали прямо в степи. Казахские женщины рожали часто, что было в традициях народа; к тому же из-за отсутствия медицинской помощи многие младенцы умирали в возрасте до года. Раннее замужество, тяжелый труд, многочисленные роды негативно сказывались на здоровье казахских женщин. Часто женщины не доживали до пятидесяти лет, а если и доживали, то, как отмечали исследователи культуры тюркоязычных кочевников Центральной Азии, были в этом возрасте совершенно похожи на древних старух (Джумагулов, 1960: 24).

Женщины продолжали рожать дома, без медицинской поддержки, что повышало риск осложнений и смертности. Тяжелые санитарные условия кочевых и полукочевых хозяйств усугублялись сезонными переселениями на кыстау, жайлау и т. д. «При потугах женщина, принимавшая роды, придавала роженице соответствующее положение и, стоя за ее спиной, начинала затягивать широкий матерчатый бинт, наложенный поверх передней брюшной стенки. Этот вид родовспоможения называли «бел тарту», что означает «затянуть пояс». При трудных родах поступали следующим образом: мужчина, стоя за спиной роженицы и упираясь одним коленом в крестец, обеими руками охватывал живот в верхней части и быстрыми сильными движениями сдавливал к себе и вниз.» По убеждению казахов, основанному на вековом опыте, этот прием самый действенный для выдавливания плода», — писал И. Колбасенко (1889 г.). Детское место (послед) удаляли также посредством выжимания. Пуповину перевязывали чистой тесьмой или ниткой. Конец пуповины засыпали горячей золой. Обыкновенно эту процедуру делала та женщина, которая принимала роды» (Очерки по истории народной медицины. С. 84).

«Трудность, которую переживают казахские женщины при родах. Наличие целого ряда шарлатанов, практикующих местными баксы, которые «помогали» при затянувшихся родах подвешиванием рожениц на высоту, физически воздействуя на беременную матку, на психику рожениц».

При обильных кровотечениях для их остановки применяли массаж матки и тугое бинтование живота. Если эти меры не давали результата, родильницу усаживали на горячую кошму, пропитанную расплавленным жиром, с тем чтобы нижняя часть тела подвергалась воздействию высокой температуры (Очерки по истории народной медицины, 1978: 84).

Такие изуверские методы при родах существовали довольно долго. Так, в докладной записке инструктора Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) О. Я. Гончарок секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о влиянии традиций и ислама в КазССР (от 5 ноября 1949 г.) отмечалось: «Большинство женщин-казашек рожают дома, по старым обычаям с помощью мулл. Иногда муллы, помогая» роженицам, держат их за волосы и бьют камчой (плеткой), выгоняя из них»дьявола». Сеть родильных домов в республике очень редка. Например, в Георгиевском районе Южно-Казахстанской области на 69 колхозов, расположенных в радиусе 70 километров, имеется всего 16 родильных коек» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 258. Л. 99–105).

В докладе наркома здравоохранения Шамова в ЦИК Казахской ССР о работе по охране материнства и младенчества (3 марта 1926 г.) отмечалось: «Акушерской помощью Казахстан обеспечен далеко в недостаточной степени, аульное же кочевое население не имеет ее совершенно. Всего специальных родильных коек по Казахстану 166, а акушеров 84 человека, таким образом, на одну акушерку приходится женщин 24 400 душ» (ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 19. Д. 80. Л. 41–42). Сеть учреждений охраны материнства и младенчества по КАСССР медленно, но количественно увеличивалась: на 1 ноября 1923 г. было 22 учреждения охраны матмлада; на 1 октября 1924 г. — 37; на 1 апреля 1925 г. — 32 (там же). Учреждений охраны матмлада среди кочевого населения нет, так как открыть постоянные консультации для детей и беременных среди аульного кочевого населения по типу консультаций среди оседлого населения абсолютно невысмысленно».

Женщины заболевали чаще из-за выполняемой ими тяжелой физической работы и недоедания. В условиях индустриализации женщин активно привлекали к физически тяжелой работе в совхозах и колхозах; на стройках, а также на промышленных объектах. Это приводило к производственным травмам, проблемам позвоночника, осложнениям в период беременности. Рабочие нормы не учитывали физиологические особенности женщин, особенно беременных. Женские воспалительные заболевания часто становились хроническими.

В докладе первого наркома здравоохранения КССР Шамова М.С. отмечалось: «Казахстан знает пять основных бедствий: туберкулез, сифилис, кожные заболевания, гинекологические заболевания, малярия; последней поражено преимущественно оседлое население; первыми тремя преимущественно кочевое и полукочевое население; а гинекологическими заболеваниями страдают огромные массы всего женского населения КССР. Далее следует отметить громадное распространение слепоты и тревожное наличие ряда очагов трахомы». (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 689. Л. 90).

В 1922 г. в Казахской ССР была развернута работа в области охраны материнства и младенчества. Основные мероприятия осуществлялись преимущественно в губернских городах и отдельных промышленных районах (Гурьев, Денгизский уезд, Риддер, Доссор). Вместе с тем среди кочевого населения данное направление социальной политики фактически отсутствовало.

Огромный вред здоровью женщин наносили аборты. Постановлением НКЗ и НКЮ от 18 ноября 1920 г. аборт легализован. «Главной задачей советского законодательства в этом вопросе было вывести аборт из подполья, вырвать женщину из рук невежественных абортёров» (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 6. Л. 8). «Главная цель комиссии — предоставить бесплатную койку для абортов наиболее малообеспеченным женщинам, и в первую очередь застрахованной группе женщин (безработные, одиночки-работницы, многодетные)». Вопрос об абортах у женщин-мусульманок: в 1926 г. было 73 — 3, 2%, из которых казашек — 17, узбечек — 3, татарок — 46, таранчинок — 1, мусульманок без указания национальности — 6 (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 6. Л. 10).

Неблагополучно в КССР обстоит дело абортивной помощи женскому населению. Число подпольных абортов велико. По предварительным данным Уральского окрздравотдела, число поступивших в больницу с начавшимся вне больницы абортom (подпольным) в истекшем году составляло 30% (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 66).

Таблица 1. Аборты в КССР в 1925 и 1926 гг.
Table 1. Abortions in the Kazakh ASSR in 1925 and 1926

	1925	1926
Произведено полных абортов	372 (63, 92%)	2094 (92, 61%)
Принято с начавшимся вне больницы абортom	210 (36, 08%)	167 (7, 3%)
ИТОГО:	582	2267

Источник: ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 6. Л. 11

Представленные данные демонстрируют существенные изменения в характере обращения женщин за медицинской помощью при абортах в Казахстане в течение двух последовательных лет. В 1925 г. 63, 92% всех зарегистрированных случаев приходилось на «полные аборты», то есть операции, выполненные в условиях медицинских учреждений. Вместе с тем значительную долю — 36, 08% — составляли женщины, поступившие с уже начавшимся абортom, протекавшим вне больницы. Этот показатель указывает на распространённость практики самопроизвольных или искусственных абортов, проведённых в домашних условиях или неквалифицированными лицами, что было характерной проблемой для рассматриваемой эпохи, когда доступ к квалифицированной медицинской помощи оставался ограниченным. К 1926 г. наблюдается принципиально иная картина: доля «полных абортов» резко возрастает до 92, 61%, тогда как число женщин, поступивших с начавшимся внебольничным абортom, снижается до 7, 3%. Подобная динамика отражает важные структурные изменения в системе здравоохранения и социальной политике.

Таблица 2. Распределение по возрасту (аборты в КССР 1925, 1926 гг.)
Table 2. Age Distribution (Abortions in the Kazakh ASSR, 1925–1926)

Возраст. группа	1925	1925	1926	1926
	Абсолют кол-во	В% к итогу	Абсолют кол-во	В% к итогу
15-19	35	6, 01	124	5, 43
20-24	153	26, 29	616	27, 25
25-29	155	26, 63	607	26, 85
30-34	110	18, 90	374	16, 54
35-39	88	15, 12	315	13, 93
40-45	32	5, 50	114	5, 04
46 и старше	3	0, 52	14	0, 62
Возраст не указан	6	1, 03	97	4, 29
ВСЕГО	582	100	2261	100

Источник: ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

Согласно статистическим данным, общее количество зарегистрированных абортов увеличилось почти в четыре раза — с 582 случаев в 1925 г. до 2261 в 1926 г., что свидетельствует как о расширении практики обращения к медицинским учреждениям, так и об изменении отношения к контролю рождаемости после легализации абортов в 1920 г. Возрастная структура абортов характеризуется стабильным доминированием группы 20–29 лет, которая суммарно составляет более половины всех зарегистрированных случаев как в 1925, так и в 1926 гг.

В докладе о работе комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин, сделанном заведующей Институтом охраны материнства и младенчества Мананниковой, отмечалось: «Число подпольных (внебольничных) аборт в настоящее время еще велико, хотя заметно уменьшилось, а потому практику извлечения аборта из подполья надо считать правильной... Главной причиной аборта среди мусульманских женщин являются тяжелые социально-экономические условия, в которых находится женщина (материальная необеспеченность, тяжелые жилищные условия и др.)» (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 6. Л. 16).

В обосновании необходимости создания Казахского научного института охраны материнства и младенчества, направленном в Совет народных комиссаров, отмечалось: «В КССР, где детское население вообще и в первую очередь казакское гибнет в 50%, не доживая до 2–3 лет, где женщина-мать в силу вековых бытовых условий была слаба физически, вопросы охраны материнства и младенчества в общей работе должны занимать преобладающее место» (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 14). В первые годы вся работа созданного института была сосредоточена в городах, деревнях и поселках. Основная масса казахского населения, особенно кочующая, не могла быть охвачена работой по охране материнства и младенчества, так как формы и методы работы, применяемые в городах и оседлых районах, не могли быть применимы к населению, ведущему кочевой образ жизни. В 1926 г. для работы в кочевых районах были организованы первые передвижные консультации для детей и беременных женщин. Передвижные консультации выявили: «а) громадную детскую смертность среди кочевого населения. Больше половины всех детей кочевого аула умирали, причем одна треть умирает в возрасте до 1-го года и одна пятая — в возрасте от 1 до 3-х лет; б) большую заболеваемость женщин и детей глазными заболеваниями, ЖКТ, туберкулезом, кожными заболеваниями, женскими болезнями; в) наиболее частая жалоба женщин-казашек — на бесплодие» (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 65). Передвижные консультации среди кочевого населения работали только в летний период, в зимний период она «свертывала свою работу, так как в районах зимовок нет врачебных участков, где могла бы осесть передвижная консультация на зимнее время». Однако организацией передвижных консультаций на летнее время в целом проблема охраны материнства и младенчества не могла решиться, необходимо было развертывание постоянной медико-санитарной сети учреждений в районах кочевого населения (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 65 об.). По данным Госплана на 1928/1929 гг. население Казахстана составляло 6 607 077 человек, из них городского населения было лишь 450 856, аульно-сельского — 6 056 221 человек (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 11. Л. 66). Это означало, что медицинская помощь охватывала только 6, 82% населения Казахстана, 91%, т. е. основная масса населения оставалась без постоянной медицинской помощи. Дело в том, что сеть учреждений здравоохранения постоянного типа располагалась главным образом в городах, в некоторых промышленных районах и почти отсутствовала в сельской местности. На рубеже 1920-х гг. Казахстан оставался преимущественно аграрным регионом: более 90% населения проживало в сельской местности, что предопределяло специфику социальной политики и сложность процессов урбанизации и советской модернизации.

На семейный и социальный статус женщины огромное влияние оказывала ее способность к деторождению. С точки зрения традиционного мировоззрения основными функциями женщины брачного возраста считались деторождение и воспитание детей.

Беременные женщины продолжали трудиться по хозяйству, нередко выполняя тяжелую работу, которая могла негативно сказаться на беременности. Только на поздних сроках беременности, обычно за 40 дней до предполагаемых родов, женщину освобождали от домашней работы (Очерки по истории... 1978: 86).

5 декабря 1936 г. принято Постановление СНК КАССР № 1158 «О состоянии родильных домов в г. Алма-Ата», в котором отмечается «крайне неудовлетворительное состояние родильной помощи населению гор. Алма-Ата. Родильные дома, как правило, чрезвычайно перегружены, загрязнены, не обеспечены бельем, санитарным оборудованием». Это постановление обязывало закончить ремонт родильных домов: родильное отделение

городской больницы — к 10 января 1937 г.; роддом в Малой станице — к 25 декабря 1936 г.; роддом по ул. Калинина — к 20 декабря 1936 г. (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 2. Д. 156. Л. 6–8).

В докладной записке Северо-Казахстанского областного отдела здравоохранения (зав. облздравом Мордвинов) в СНК Казахской ССР от 8 мая 1937 г. отмечалось: «Самостоятельных родильных домов по плану предусмотрено 6 на 93 койки, фактически функционирует 3 роддома на 64 койки. Не развернуты роддома в Есильском и Кзылтууском районах и в г. Кокчетаве. Колхозные родильные хаты (так в документе) развернуты полностью: 14 на 41 койку при плане 15 на 39 коек. Акушерских пунктов функционирует 10 из 26». (ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 5. Д. 881. Л. 137).

В Конституции Казахской ССР 1937 г. в ст. 99 отмечалось: «Соппротивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних и вступление с ними в брак, калым, многоженство, аменгерство, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, государственное управление и общественно-политическую жизнь) — карается законом» (Конституция, 1937).

Несмотря на статью в Конституции о запрете выдачи замуж малолетних, калыма, многоженства и т. д., эти «традиции» продолжали существовать. В информационной сводке заместителя заведующего Отделом партийной информации Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) А. И. Собенина «О проявлениях феодально-байских пережитков и состоянии политико-воспитательной работы среди женщин в Кзыл-Ординской области Казахской ССР» (от 17 октября 1947 г.) отмечались факты многоженства, аменгерства, женитьбы на несовершеннолетних, взимания калыма и издевательства над женщинами. «Отдельные руководящие партийные и советские работники и рядовые коммунисты не только не борются с этими позорными фактами, но и сами являются носителями феодально-байских пережитков, грубо и безнаказанно попирая советские законы о семье и браке». Факты проявления феодально-байских пережитков, помимо Кзыл-Ординской области, как отмечает автор, имелись и в других областях республики, «особенно в Джамбульской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Талды-Курганской и Алма-Атинской» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 813. Л. 48–51).

Женский труд в СССР

«Женский вопрос» в официальном дискурсе объявлялся решённым с принятием Конституции 1936 года, закрепившей равенство женщин и мужчин во всех сферах. В Конституции Казахской ССР (март 1937 г.) в статье 99 провозглашалось: «Женщине в Казахской ССР предоставляются права, равные с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов». (Конституция, 1937).

На практике провозглашённое равенство женщин и мужчин во многом сводилось к их широкому привлечению в сферу производства, что было обусловлено курсом на индустриализацию. Приоритетной задачей государства становилось количественное увеличение рабочего класса, в связи с чем усиливалась политика вовлечения женщин в общественное производство. Особенно интенсивное развитие предусматривалось в отраслях тяжёлой промышленности, где потребность в рабочей силе была наиболее высокой. Десятки тысяч девушек, прибывших из аулов на индустриальные стройки, осваивали ранее незнакомые им профессии — строителей, токарей, фрезеровщиков, сварщиков, машинистов локомотивов; многие из них трудились и на вредных для здоровья производствах. Одним из важнейших направлений советской социальной политики было вовлечение женщин в производство. Труд женщин в колхозах Казахстана в 1930-е гг. стал важным элементом советской модернизационной политики, направленной на трансформацию традиционного общества и включение казахских женщин в систему социалистического производства. В период

коллективизации женщины активно осваивали новые профессии и включались в систему социалистического производства. В 1937 году среди обучавшихся комбайнёров женщины составляли 17, 4%, трактористов — 11, 3 %, шоферов — 11 % (АП РК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 3050. Л. 2). В Казахстане было организовано 30 женских тракторных бригад, что отражало курс советского государства на расширение участия женщин в механизированном сельском хозяйстве. В конце 1930-х гг. за выдающиеся достижения в развитии сельского хозяйства 24 женщины республики были награждены орденами Советского Союза. За высокие трудовые показатели в 1940 г. на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку от Восточно-Казахстанской области были направлены трактористка Турсун Ахметова, бригадир Е.Г. Коноплина и другие передовики сельского хозяйства. Одновременно советская власть стремилась использовать женский труд как инструмент социальной и культурной интеграции казахского населения в советскую систему. Через колхозы женщины вовлекались в кампании ликвидации неграмотности, общественную деятельность, работу женсоветов и участие в социалистическом соревновании.

СССР стоял на первом месте в мире по уровню занятости женского населения — до 90%. Вследствие культурной революции появились новые специальности и должности, занимаемые, как правило, женщинами: врачи, учителя, воспитатели детских садов, работники сферы обслуживания. Но женщины работали и в промышленности. Около 2/3 женщин, привлеченных в период между 1923 и 1937 гг., влились в тяжелую промышленность. По сравнению с женщинами-рабочими в промышленности всей страны в Казахстане тяжелой физической работой, особенно в горнорудной промышленности и производстве строительных материалов, было занято большее количество женщин. В строительстве и промышленности в конце второй пятилетки женщины начали осваивать типично мужские профессии. Уже в 1937 г. каждым пятым рабочим на угольных копях и каждым шестым строителем в Казахстане была женщина (Майлыбаева, 1975: 14).

К началу 2-й пятилетки около 7 млн женщин было занято в разных отраслях народного хозяйства. Женщина стала работать в тех отраслях и освоила профессии, которые до сих пор считались мужскими: слесаря, токаря, вагоновожатой трамвая, бригадира (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 203. Л. 83).

Таблица 3. Процент женщин среди рабочих отдельных отраслей промышленности СССР.
Table 3. Percentage of Women among Workers in Selected Industries of the USSR.

Отрасли промышленности	1925	1933
Каменно-угольная	7, 7	17, 3
Металлургическая	8, 3	22, 5
Бумажно-полиграфическая	21, 5	43, 5
Швейная промышленность	63, 9	85, 5

Источник: АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 203. Л. 83.

К началу 1933 г. в СССР в горной промышленности доля женщин составляла 20 %, а среди горняков Германии, США, Великобритании — от 0, 5 до 1 %, в металлопромышленности — 24 %, в США — 0, 8 % (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 203. Л. 83).

Таблица 4: Вовлечение женщин в промышленность КССР
Table 4. Women's Participation in Industry in the Kazakh ASSR

Отрасли промышленности	Всего женщин рабочих	Из них казашек	Мл. обл. персонал	Из них казашек
Добывающая	76	-	2	-
Горная и горно-завод.	1	-	77	4
Машиностроение	-	-	4	-
Пищевкусовая	344	14	24	-

Обр. мест.	89	-		
Кож. мех	29	2	14	-
Обработка шерсти	213	10	2	-
Одежда и туалет	70	3	6	
Полиграф.	50	-	12	-
ИТОГО:	874	29	151	4

Источник: АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 203. Л. 10.

Институт охраны труда Наркомтруда СССР проводил целый ряд специальных исследований по изучению влияния переноски и подъема тяжестей на организм женщины. Были исследованы условия труда в целом ряде производств, где женщины заняты переноской тяжестей, и изучалось влияние этой переноски на половую сферу женщины. Обследовались следующие профессии: торфяницы, грузчицы, откатчицы и работницы в подсобных цехах металлопромышленности. Это обследование показало, что нагрузка на одну работницу колеблется от 32 до 48 кг, а в отдельных профессиональных группах (например, у грузчиц) доходит до 112 кг на двоих (ГАРФ. Ф. 30. Оп. 13. Д. 13. Л. 1). Обследование показало, что переноска тяжестей вызывает значительные нарушения в области половой сферы, главным образом в отношении расстройства менструации. Было произведено гинекологическое исследование женщин в момент поднятия тяжестей. Это исследование показало, что при подъеме груза свыше 20 кг шейка матки спускается книзу, а тело матки изменяет свое положение, и это происходит тем сильнее, чем больше груз.

Таким образом, все виды исследования показали, что предельным грузом подъема для женщины является 20 кг (ГАРФ. Ф. 30. Оп. 13. Д. 13. Л. 1).

О состоянии женского труда в восточных национальных республиках

Таблица 5. Число женщин в производстве в национальных республиках
Table 5. Number of Women Employed in Production in the National Republics
1927–1928 год

Наименование республики и области	Число работниц без разделения на национальности	В% к общему числу рабочих	Число работниц без разделения на национальности	В% к общему числу рабочих
Башкирия	2044	17, 3	1814	16, 2
Татария	3051	20, 5	3827	25, 9
Чувашия	171	16, 0	161	15, 6
Казакстан	586	6, 4	825	8, 4
Крым	1. 998	22, 9	2066	21, 1
Дагестан	649	26, 6	716	25, 4
Азербайджан	1977	4, 5	2252	4, 5
Грузия	2320	19, 3	3008	19, 0
Армения	667	13, 6	805	14, 7
Узбекистан	1272	9, 2	2199	14, 2
Туркменистан	183	7, 5	251	9, 2
Киргизия	18	1, 2	59	2, 3
Вотская обл.	2039	15, 9	2225	15, 7
Марийская обл.	241	21, 0	268	18, 5
ИТОГО:	17216	12, 3	20225	13, 4

Источник: ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 9. Л. 441.

Представленная таблица отражает динамику вовлечения женщин в промышленное производство в национальных республиках СССР в 1927–1928 гг. Из представленных данных прослеживается общий рост числа работниц (с 17 216 до 20 225 человек) и их доли в общей численности рабочих (с 12, 3 % до 13, 4 %), что свидетельствует о начальном этапе политики вовлечения женщин в производственную сферу.

Однако основной особенностью является выраженная региональная и национальная неравномерность. Казахстан демонстрирует один из самых низких показателей участия женщин: в 1927 г. — 6, 4 %, в 1928 г. — 8, 4 %. Несмотря на рост абсолютных и относительных значений, данный уровень остаётся существенно ниже, чем в большинстве других регионов (например, Дагестан — 25, 4–26, 6%, Татарстан — до 25, 9%, Крым — свыше 21 %). Даже в республиках с традиционным укладом (Узбекистан, Туркменистан) наблюдается более высокая вовлечённость женщин.

Низкие показатели Казахстана объясняются комплексом факторов. Во-первых, значительная часть казахского населения сохраняла кочевой или полукочевой образ жизни, что ограничивало возможности вовлечения женщин в стационарные формы промышленного труда. Во-вторых, слабая индустриальная база республики в этот период объективно сокращала численность рабочих мест в промышленности. В-третьих, сохранялись традиционные гендерные нормы, ограничивавшие участие женщин в публичной и производственной сферах. Особого внимания заслуживает разрыв между декларируемой политикой «освобождения женщины Востока» и реальной практикой. Несмотря на идеологические установки, фактическое включение женщин, особенно казахских, в производственную сферу происходило медленно и неравномерно. Отсутствие разделения по национальностям в таблице скрывает ещё более глубокие различия, предполагая, что доля казахских женщин в промышленности была ещё ниже, чем показывают представленные данные.

Женский труд в национальных республиках используется в основном в промышленности по обработке хлопка, шерсти, шелка, льна и пищевых продуктов. Удельный вес женского труда в основных отраслях промышленности восточных национальных республик в общей сложности составляет 10%. «Некоторые крупные хозорганы (в Казакстане, Узбекистане, Дагестане) не только не вовлекают женщин в производство, но и стараются вытеснить имеющийся женский труд с производства» (ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 9. Л. 442).

Подготовка женской рабочей силы для поступления на предприятия проходит, главным образом, через школы ФЗУ (Казахстан, Татария, Закавказье), индустриально-технические школы и бригадное ученичество.

Процент девушек к общему числу учащихся в ФЗУ в 1927 г.

Башкирия 17, 4

Татария 26, 3

Чувашия 14, 6

Крым 11, 0

Казакстан 11, 6

Дагестан 22, 4

Примечание: сведения с национальными подразделениями отсутствуют

Источник: ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 9. Л. 444.

Комиссия по улучшению и изучению женского труда в национальных республиках выделяет три группы женщин по участию в сельском хозяйстве в разных национальных республиках:

Марийская, Вотская, Чувашская, Татарская, Башкирская, где женщина принимает участие во всех отраслях хозяйства наряду с русской крестьянкой.

Казахская, Киргизская, Калмыцкая, Якутская, Бурятская и области Северного Кавказа, где женщина несет основную тяжесть крестьянского хозяйства. «Горянка в особенно тяжелых условиях ведет почти все крестьянское и домашнее хозяйство, за что работники женотдела называют ее «маленькой универсальной фабрикой». По обследованию статистического управления Уральской губернии казашка затрачивает 2563 человеко-часа в год (на 100% больше мужчины).

Азербайджанская, Узбекская, Туркменская, Таджикская, где женщина по времени занята почти одинаково с мужчиной, главным образом в домашнем хозяйстве и в тех видах домашнего хозяйства, которые близки к домашнему. Так, узбечка тратит на домашнее

хозяйство от 62 до 79% своего труда, на переработку хозяйственных продуктов — до 13%, на уход за домашним скотом (ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 9. Л. 447).

Документ разделяет женщин в национальных республиках на три группы в зависимости от объема выполняемой нагрузки. Казахские женщины отнесены ко второй группе — группе регионов с наиболее высокой нагрузкой на женщину. В отличие от первой группы (Поволжье), где наблюдается относительный баланс, и третьей (Средняя Азия), где труд женщин ограничен в большей степени домашней сферой, в Казахстане женщина выступает как главный субъект хозяйственной деятельности. Казахская женщина многофункциональна: это и сельское хозяйство, и домашняя работа, и уход за двором, скотом и т. д. Женский труд казашки превышает мужской в два раза (2563 человеко-часа в год). В Казахстане модернизация шла через усиление эксплуатации женского труда, а не через его «эмансипацию» в классическом понимании. Таким образом, советская социальная политика в отношении женщин в Казахстане носила противоречивый характер: декларируемое «освобождение женщин Востока» сопровождалось не только сохранением трудовой нагрузки, но даже ее увеличением.

Изучением условий труда тружениц Казахстана занималась созданная Особая постоянная комиссия при КЦИКе по улучшению труда и быта женщин Казахстана, образованная 14 октября 1926 г. В задачи комиссии входило: а) изучение труда женщин в домашнем быту и кустарном производстве; б) изучение методов вовлечения женщин коренного населения в производственную и промышленную жизнь республики и поднятия квалификации их труда; в) борьба с нищетой и безработицей при помощи организации различного рода профтехнических школ, мастерских; г) улучшение производительности труда в домашнем хозяйстве и кустарном производстве путем усовершенствования орудий и средств производства; д) организация артелей и трудовых коллективов, сосредотачивая их при кооперативных и хозяйственных органах НКТ; е) создание новых и улучшение постановки в соответствующих учреждениях матмлада и народного образования, исходя из бытовых условий Казахстана; ж) оказание помощи и отправка на родину бездомных женщин через соответствующие учреждения; з) внесение проектов дополнений и изменений в действующее законодательство с целью устранения препятствий» (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). В состав комиссии вошли: член Президиума КЦИК Бекембетов — председатель комиссии, представитель краевого отдела работниц Успенская — ответственный секретарь, ВЛКСМ — Черный, союз Кошчи — Хангиреев, КСПС — Курамысов, НКТ — Татимов. Представителем от Наркомпроса в Комиссию при КЦИКе по улучшению труда и быта трудящихся женщин Казахстана была назначена заведующая отделом Алма Уразбаева (ЦГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 3).

В фонде Народного комиссариата труда СССР (Наркомтруд), в протоколах заседаний, имеется список республик и автономных областей с культурно отсталым населением, куда внесены 17 автономных советских социалистических республик и областей:

1. Татарск. АССР — Казань; 2. Чувашская АССР — Чебоксары; 3. Башкирская АССР — Уфа; 4. Коми авт. обл. — Усть-Сысольск; 5. Карельская АССР — Петрозаводск; 6. Калмыцкая авт. обл. — Астрахань; 7. Марийская авт. обл. — Краснококшайск; 8. Крымск. АССР — Симферополь; 9. Сев. -Кавказский край:

А. Сев. -Осетинск. обл.; Б. Чеченск. авт. обл.; В. Ингушск. авт. обл.

Г. Кабардино-Балк. авт. обл.; Д. Адыг. Черкес. авт. обл.; Е. Карачаево-Черкес. авт. обл.

10. Бурят-Монгол. АССР — Верхне-Удинск; 11. Казакская АССР — Кызыл-Орда; 12. Сиб. край; 13. Ойротская авт. обл. — Улала; 14. Вотская авт. обл. — Ижевск; 15. Дагест. АССР — Махачкала; 16. Киргизская АССР — Фрунзе; 17. Якутск. АССР — Якутск (ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 9. Л. 262).

Данный список демонстрирует, что население перечисленных национальных республик и областей официально рассматривалось государством как находящееся на более «низкой» стадии культурного и социального развития. Использование категории «культурная отсталость» по отношению к национальным республикам и областям отражает взгляд центра,

основанный на европоцентристских и модернизационных критериях (уровень грамотности, оседлость, вовлечённость в индустриальную экономику). Документ фиксирует закрепление статуса перечисленных республик как объектов «цивилизаторской» политики. Выделяя «отсталые» национальные группы, государство обосновывало необходимость особых режимов контроля и вмешательства. С практической точки зрения подобное разделение имело прямые последствия для формирования социальной политики. Оно служило основанием для разработки специальных мер в области труда, образования, здравоохранения и социальной мобилизации. Однако эти меры носили двойственный характер: с одной стороны, они предполагали модернизацию и «подтягивание» национальных регионов, с другой — воспроизводили отношения зависимости, при которых коренное население выступало объектом управления.

Несмотря на провозглашённое на законодательном уровне равноправие и свободу женщин, государство не обеспечивало необходимых материальных условий для их фактического уравнивания с мужчинами. Женщины, имеющие детей и занятые домашними обязанностями, зачастую были лишены возможности работать на производстве или учиться и повышать свой профессиональный уровень. Дополнительным ограничением выступала слабая развитость системы дошкольных учреждений: в городах она оставалась недостаточной, а в сельской местности — практически отсутствовала. Эти трудности затрагивали не только замужних женщин с детьми. Молодые девушки также сталкивались с серьёзными препятствиями, обусловленными удалённостью от дома и тяжёлым материальным положением, включая дефицит снабжения, отсутствие жилья и общие бытовые неудобства. «Европейские женщины были в гораздо более выгодном положении, чтобы воспользоваться преимуществами новой власти, нежели мусульманки. Социальные и экономические условия, в которых жили казахские и другие мусульманские женщины, уходили глубокими корнями в традиции многовековой истории, чтобы радикально измениться в течение десятилетий» (Женщины советского Востока..., 1990: 10). Следует подчеркнуть, что положение казахских женщин в ряде аспектов было более демократичным по сравнению с положением женщин в других республиках Средней Азии. Это во многом объясняется тем, что, придерживаясь мусульманской традиции, казахское общество в меньшей степени было подвержено религиозному фанатизму, характерному для ряда других мусульманских регионов (Левшин, 1832: 13–14).

«В традиционном казахском обществе патриархальное правление, — отмечает Бейкер, — имело две формы, а именно бесспорное превосходство старших над молодым поколением и мужчин — над женщинами» (Женщины советского Востока..., 1990: 97). Это был не просто элемент социального контроля, а процесс, основывающийся на экономической базе феодальной семьи и патриархальной власти.

В российской деревне социальная структура опиралась на идеал общинной семьи, что предопределяло значимость классовых противоречий и их проявление в борьбе беднейших слоёв с кулачеством. В Казахстане же проводимая политика затрагивала не отдельные социальные группы, а фактически трансформировала весь уклад жизни казахского общества, поскольку его культурные, экономические и социальные практики были тесно связаны с системой родственных отношений.

Таким образом, анализ положения женщин, их участия в производственной и семейно-бытовой сферах в 1920–1930-х годах XX в. в Казахстане выявляет существенный разрыв между декларируемыми установками и реальной практикой. Это проявлялось, в частности, в привлечении женщин к труду в тяжёлых и вредных условиях, их концентрации в малоквалифицированных видах ручного труда, несоблюдении установленных норм допустимых физических нагрузок. Особо уязвимым оставалось положение женщин в кочевых аулах, где практически отсутствовала медицинская помощь. Вместе с тем, несмотря на обозначенные проблемы, социальная система демонстрировала определённую эффективность. В частности, меры социальной помощи и поддержки, направленные на

отдельные категории населения — одиноких женщин и многодетные семьи, — способствовали улучшению их материального положения.

Sources

CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan
AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
SARF — State Archive of the Russian Federation
RSASPH — Russian State Archive of Socio-Political History

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан
АП РК — Архив Президента Республики Казахстан
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАСПИ — Российский Государственный архив социально-политической истории

References

- Aiel tendigi, 2026 — Aiel tendigi (Female equality). Fevral–mart 1926 g. No. 2-3. Ex. ed. E/ Bilal. Comp.: A. Bektukhanbet, A. Alkambai, Z. Kozhamberdi, A. Kozhamkulova, A. Konkabayeva, A. Zulpikhar. Almaty, 2026. 114 p. (In Kaz.).
- Amanzholova, 2024 — *Amanzholova D. A.* “Zhenskii vopros v 1920–1930-e gg. v sovetskoi natsionalnoi politike: nekotorye problemy izucheniya” (“The women’s issue in the 1920s and 1930s in Soviet national politics: some problems of studying”). North-East Bulletin of Humanities. 2024. No. 2(47). P. 22–36. (In Russ.).
- Argynbaev, 1973 — *Argynbaev Kh. A.* Kazakh khalkyndagy sem“ya men neke (Tarikhi-etnografiyalyk sholu) / Sem“ya i brak u kazakhov (istoriko-etnograficheskii ocherk) (Family and marriage in the Kazakh people (historical and ethnographic review)). Almaty: Gylym, 1973. (In Kaz.).
- Bisenova, 2023 — *Bisenova A. Zh.* Konstruktsiya “zhenshchina Vostoka” i problema ee “spaseniya” v kolonialnom, sovetskom i novom liberalnom diskursakh (The “woman of the East” construct and the problem of her “salvation” in colonial, Soviet and New Liberal discourses). Kazakhstan: labirinty sovremennogo postkolonialnogo diskursa. Almaty: Tselinnyi, 2023. P. 409–441. (In Russ.).
- Dzhumagulov, 1960 — *Dzhumagulov A.* Sem“ya i brak u kirgizov Chuiskoi doliny (Family and marriage among the Kyrgyz of the Chui Valley). Frunze: AS KirgSSR, 1960. (In Russ.).
- Edgar, 2006 — Edgar Adrienne Lynn, “Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet “Emancipation” of Muslim Women in PanIslamic Perspective”, Slavic Review. 2006. 65. No. 2. P. 252–272. (In Eng.).
- Gradskaia, 2011 — *Gradskaia Yu. V.* “Raskrepostchenie natsionalki” – sotsialno-kulturnaya politika sovetskoi vlasti v otnoshenii zhenshchin etnicheskikh men’shinstv (na primere Volgo-Ural’skogo regiona v 1920-e gody) (“Emancipation of the national woman” – the socio-cultural policy of the Soviet government towards women of ethnic minorities (on the example of the Volga-Ural region in the 1920s)). Zhurnal issledovaniia sotsialnoi politiki. 2011. Vol. 9. No. 1. P. 45–58. (In Russ.).
- Gradskaia, 2013 — *Gradskaia Yu. V.* Svoboda kak prinuzhdenie? Sovetskoe nastuplenie na “zakrepostchenie zhenshchiny” i nasledie imperii (seredina 1920-kh – nachalo 1930-kh gg., Volgo-Ural’skii region) (Freedom as coercion? The Soviet offensive against the “enslavement of women” and the legacy of the Empire (mid-1920s–early 1930s, Volga-Ural region)). Ab Imperio. 2013. No. 4. P. 113–144. (In Russ.).
- Gregory, 1974 — *Gregory J. Massell* The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton University Press. Copyright Date: 1974. 484 p. (In Eng.).
- Kamp, 2006 — *Kamp M.* The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle: University of Washington Press, 2006. 320 p. (In Eng.).
- Konstitutsiia, 1937 — *Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Kazakhskoi SSR* (The Constitution (Basic Law) of the Kazakh SSR). (1937) Alma-Ata: Partizdat Kazraikoma VKP(b), 1937. 32 p. (In Russ.).
- Kul’tura i byt..., 1967 — *Kul’tura i byt kazakhskogo kolhoznoogo ayla* (Culture and way of life of the Kazakh collective farm village). Alma-Ata: Nauka, 1967. (In Russ.).
- Kunantaeva, 1978 — *Kunantaeva K.K.* K vershine znaniia (Razvitie zhenskogo obrazovaniia v Kazakhstane 1920–1970 gg. (Towards the peak of knowledge (Development of women’s education in Kazakhstan 1920–1970) Alma-Ata: Kazakhstan, 1978. (In Russ.).
- Kundakbaeva, 2017 — *Kundakbaeva Zh.* Modernizatsiia rannei sovetskoi epokhi v sud’bakh zhenshchin Kazakhstana 1920–1930-e gody (Modernization of the early Soviet era in the destinies of women in Kazakhstan in the 1920s and 1930s). Almaty: Kazak universitet, 2017. 412 p. (In Russ.).
- Levshin, 1832 — *Levshin A. I.* Opisanie kirgiz-kazach’ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei (Description of the Kirghiz-Kazak or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes). Saint Petersburg, 1832. 419 p. (In Russ.).
- Mailybaeva, 1975 — *Mailybaeva G. A.* Zhenshchina i obshchestvennoe proizvodstvo (na materialakh Kazakhstana) (Woman and social production (based on the materials of Kazakhstan)). Alma-Ata: Kazakhstan, 1975. (In Russ.).

- Michaels, 2001 — *Michaels Paula A.* Motherhood, Patriotism, and Ethnicity: Soviet Kazakhstan and the 1936 Abortion Ban. *Feminist Studies*. Vol. 27. No. 2 (Summer, 2001). P. 307–333. (In Eng.).
- Northrop, 2004 — *Northrop D.* Veiled Empire Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca-Londres: Cornell University Press, 2004. 392 p. (In Eng.).
- Obychai i obryady..., 2001 — *Obychai i obryady kazakhov v proshlom i nastoyashchem: sb. st. (Customs and rituals of the Kazakhs in the past and present: collection of articles) / Ex. ed.. E. Azhigali.* Almaty: NITs "Gylym", 2001. (In Russ.).
- Ocherki po istorii..., 1978 — *Ocherki po istorii narodnoi meditsiny (Essays on the history of traditional medicine).* Alma-Ata, 1978 (Eds. T. Sh. Sharmanov, B. A. Atchabarov). 205 p. (In Russ.).
- Sabitov, 1956 — *Sabitov N. S.* Obshchestvennaya zhizn' i semeinyi byt kazakhov-kolkhoznikov (po materialam Alma-Atinskoi i Dzhambul'skoi oblastei) (Social life and family life of Kazakh collective farmers (based on the materials of Alma Ata and Dzhambul regions)). IHAЕ AS Kaz. SSR. Alma-Ata, 1956. Vol. 3. (In Russ.).
- Sadvokasova, 1969 — *Sadvokasova K.* Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazakhstane (Development of women's education in Kazakhstan). Alma-Ata: Kazakhstan, 1969. (In Russ.).
- Stasevich, 2011 — *Stasevich I. V.* Sotsial'nyi status zhenshchiny u kazakhov: traditsii i sovremennost' (Social status of Kazakh women: traditions and modernity). Saint Petersburg: Nauka, 2011. 202 p. (In Russ.).
- Tabyshalieva, 1998 — *Tabyshalieva A.* Otrazhenie vo vremeni. (Zametki k istorii polozheniya zhenshchin Tsentral'noi Azii) (Reflection in time. (Notes on the history of the status of women in Central Asia)). Bishkek: b/izd., 1998. (In Russ.).
- Taizhanov, 2016 — *Taizhanov A. T.* Akkagaz Doszhanova kak vrach i obshchestvennyi deyatel' (Akkagaz Doszhanova as a doctor and public figure). *Meditsinskii zhurnal Zapadnogo Kazakhstana*. 2016. No. 2. P. 91–96. (In Russ.).
- Vostrov, 1956 — *Vostrov V. V.* Kazakhi Dzhanibekskogo raiona Zapadno Kazakhstanskoi oblasti (Istoriko-etnograficheskii ocherk) (Kazakhs of the Janybek district of the West Kazakhstan region (Historical and ethnographic essay)). IHEA AS KazSSR. 1956. Vol. 3. (In Russ.).
- Vostrov, 1959 — *Vostrov V. V.* K voprosu o perezhitkakh drevnikh verovanii u kazakhov (On the question of the remnants of ancient beliefs among the Kazakhs). *Bulletin of the AS KazSSR. History, Archeology and Ethnography Series*. Alma-Ata, 1959. Iss. 2. (In Russ.).
- Vostrov, 1960 — *Vostrov V. V.* Novye materialy po kazakham-adaevtsam (New materials on Kazakhs-Adais). IHEA AS KazSSR. 1960. Vol. 8. (In Russ.).
- Zakharova, Khodzhaeva, 1964 — *Zakharova I.V., Khodzhaeva P.D.* Kazakhskaya natsional'naya odezhda. XIX – nachalo XX veka (Kazakh national clothes. XIX – early XX century). Alma-Ata: Nauka, 1964. (In Russ.).
- Zhenshchiny sovetskogo..., 1990 — *Zhenshchiny sovetskogo Vostoka v zarubezhnoi istoriografii* (Women of the Soviet East in Foreign Historiography). Alma-Ata, 1990. (In Russ.).

Литература

- Аманжолова, 2024 — *Аманжолова Д. А.* «Женский вопрос в 1920–1930-е гг. в советской национальной политике: некоторые проблемы изучения» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 2 (47). С. 22–36.
- Арғынбаев, 1973 — *Арғынбаев Х. А.* Қазақ халқындағы семья мен неке (Тарихи-этнографиялық шолу) / Семья и брак у казахов (историко-этнографический очерк). Алматы: Ғылым, 1973.
- Әйел тендігі, 2026 — Әйел тендігі. Февраль-март 1926 г. №2-3 / Жауапты редактор Ертай Біләл. құраст.: А. Бекмұханбет, А. Алқамбай, З. Қожамберді, А. Қожамқұлова, А. Конкабаева, А. Зұлпыхар. Алматы, 2026. 114 с.
- Бисенова, 2023 — *Бисенова А. Ж.* Конструкт «женщина Востока» и проблема ее «спасения» в колониальном, советском и новом либеральном дискурсах // Казахстан: лабиринты современного постколониального дискурса. Алматы: Целинный, 2023. С. 409–441.
- Востров, 1956 — *Востров В. В.* Казахи Джаныбекского района Западно Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // ТИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. 3.
- Востров, 1959 — *Востров В. В.* К вопросу о пережитках древних верований у казахов // Изв. АН КазССР. Сер. ист., арх. и этногр. Алма-Ата, 1959. Вып. 2.
- Востров, 1960 — *Востров В. В.* Новые материалы по казахам-адаевцам // ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8.
- Градскова, 2011 — *Градскова Ю. В.* «Раскрепощение националки» – социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 45–58;
- Градскова, 2013 — *Градскова Ю. В.* Свобода как принуждение? Советское наступление на «закрепощение женщины» и наследие империи (середина 1920-х – начало 1930-х гг., Волго-Уральский регион) // Ab Imperio. 2013. № 4. С. 113–144.
- Джумагулов, 1960 — *Джумагулов А.* Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе: АН КиргССР, 1960.
- Женщины советского..., 1990 – Женщины советского Востока в зарубежной историографии. Алма-Ата, 1990.
- Захарова, Ходжаева, 1964 — *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда. XIX — начало XX века. Алма-Ата: Наука, 1964.
- Культура и быт..., 1967 – Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата: Наука, 1967.

- Кундакбаева, 2017 — *Кундакбаева Ж.* Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана 1920-1930- годы. Алматы: Казак университет, 2017. —412 с.
- Конституция, 1937 — Конституция (Основной Закон) Казахской ССР. (1937) Алма-Ата: Партиздат Казкрайкома ВКП(б), 1937. 32 с.
- Кунантаева, 1978 — *Кунантаева К. К.* К вершине знаний (Развитие женского образования в Казахстане 1920–1970 гг. Алма-Ата: Казахстан, 1978.
- Левшин, 1832 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 419 с.
- Майлыбаева, 1975 — *Майлыбаева Г. А.* Женщина и общественное производство (на материалах Казахстана). Алма-Ата: Казахстан, 1975.
- Обычаи и обряды..., 2001 — Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем: сб. ст. / отв. ред. С.Е. Ажигали. Алматы: НИЦ «Ғылым», 2001.
- Очерки по истории..., 1978 — Очерки по истории народной медицины. Алма-Ата, 1978 (под редакцией Т.Ш. Шарманова, Б. А. Атчабарова). 205 с.
- Сабитов, 1956 — *Сабитов Н. С.* Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников (по материалам Алма-Атинской и Джамбулской областей) // ТИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3.
- Садвокасова, 1969 — *Садвокасова К.* Развитие женского образования в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1969.
- Стасевич, 2011 — *Стасевич И. В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб: Наука, 2011. –202 с.
- Тайжанов, 2016 — *Тайжанов А. Т.* Аккагаз Досжанова как врач и общественный деятель //Медицинский журнал Западного Казахстана. 2016 № 2. С. 91-96.
- Табышалиева, 1998 — *Табышалиева А.* Отражение во времени. (Заметки к истории положения женщин Центральной Азии). Бишкек: б/изд., 1998.
- Edgar, 2006 — *Edgar Adrienne Lynn*, "Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet "Emancipation" of Muslim Women in PanIslamic Perspective", *Slavic Review*, 2006. 65, no. 2, p. 252-272.
- Gregory, 1974 — Gregory J. Massell *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929.* Princeton University Press. Copyright Date: 1974. 484 p.
- Kamp, 2006 — *Kamp M.* *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism.* Seattle: University of Washington Press, 2006. 320 p.
- Michaels, 2001 — *Michaels Paula A.* Motherhood, Patriotism, and Ethnicity: Soviet Kazakhstan and the 1936 Abortion Ban. *Feminist Studies*. Vol. 27, No. 2 (Summer, 2001). P. 307-333.
- Northrop, 2004 — *Northrop D.* *Veiled Empire Gender and Power in Stalinist Central Asia.* Ithaca-Londres: Cornell University Press, 2004. 392 p.

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Alpysbes M.A., Khumarzakh A., Kara A. THE LETTER OF GÜYÜK KHAN AS A HISTORICAL SOURCE	608
---	-----

HISTORY

Batyrbayeva M., Dönninghaus V. THE HISTORY OF THE FORMATION OF CIVIL AVIATION IN KAZAKHSTAN (1920–1940)	626
Bekenova A.A., Mukhatova O.Kh. COMBATING CRIME AMONG HOMELESS CHILDREN IN KAZAKHSTAN IN THE 1920S	642
Berlibay E., Zhubanyshov B., Smanova A. THE CONSEQUENCES OF REPRESSION IN KAZAKHSTAN (1920-1950)	659
Zhirenov A.A., Kalan E. EMIR OF KHOREZM HUSSEIN SUFI IN HIS WORK "TAVARIKH-I GUZIDE-I NUSRAT-NAMEH"	677
Kapbarova G.Sh., Amirbek A.A., Gündogdu A. SETTLEMENT AND SOCIAL ADAPTATION OF KANDAS IN SOUTHERN KAZAKHSTAN: REGIONAL DYNAMICS AND THE IMPACT OF MIGRATION POLICY (2000–2023)	689
Kapayeva A.T., Kassymova D.B., Konkabayeva A.N. SOCIAL POLICY AND WOMEN'S HEALTH IN KAZAKHSTAN IN THE 1920S–1930S: A HISTORICAL-SOCIAL ANALYSIS	705
Mamytova S.N., Shayakhmet N.U., Batalov K.K. USE OF SNOW AND SNOW RETENTION PRACTICES IN THE ECONOMY OF THE KAZAKHS IN THE IRTYSH REGION (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)	725
Nurymbetova G.R., Abzhanov Kh.M. POLITICAL REPRESSION IN KAZAKHSTAN: THE FATE OF S. SEIFULLIN	738
Ospanova R.R., Murzakhodzhayev K. ACTIVITIES OF SECULAR AND MUSLIM EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE SEMIRECHYE REGION AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES (INTERDISCIPLINARY ANALYSIS BASED ON ARCHIVAL DOCUMENTS)	753
Saktaganova Z.G., Zhagypar A.B., Baigozhina G.M. OME ASPECTS OF "DISSENT" AMONG THE YOUTH OF KARAGANDA IN 1940–1945	772
Satenova M., Shotanova G., Zhetpisbay N. ON THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC ARCHEOGRAPHY BASED ON DOCUMENTARY PUBLICATIONS OF THE 18TH–19TH CENTURIES	789
Toraigyrov E.M., Dzhumashev A.M. THE ZHATAKS OF THE IRTYSH REGION AND THE TEN-VERST BELT IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES	806
Tuleshova U.Zh., Galimov E.A. IMPERIAL POWER AND QAZAQ ELITES: MAIN DIRECTIONS OF THE HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE INSTITUTION OF SULTAN-RULERS IN THE JUNIOR ZHUZ	821
Tursun Kh.M., Khazretalikyzy R., Kapbarova G.M. THE HISTORICAL PSYCHOLOGY OF FORCED NOMADIC DISPLACEMENT	840
Cherepanov K.V., Omarova G.A., Ualtaeva A.S. THE FORMATION OF ALMATY AS THE POLITICAL CENTER OF KAZAKHSTAN (1920S–30S)	854
Shashayev A.K., Kurmanalina N.N., Belous S.G. POLICE ACTIVITIES DURING THE 1916 UPRISING IN THE SEMIRECHESK REGION	876

ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Razdykov S.Z., Sydygaliyev S.M., Khainazarov B.B. ONOMASTIC ELEMENTS OF SUFI ORIGIN IN THE GENEALOGY OF KAZAKH CLANS IN THE XIV–XV CENTURIES	892
Samashev S.K., Sapashev O.S., Seitkhanuly Sh. TAMGAS AND EAR MARKS (EN) OF THE KAZAKHS OF MONGOLIA	908
Sapatayev S.A., Kartayeva T.E., Orynbasar B.K. SEASONAL SETTLEMENTS OF THE DULAT TRIBE IN THE VALLEYS OF THE SHU-ILE AND TALAS RIVERS	926

МАЗМҰНЫ

ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ

Алпысбес М.А., Хумарзах А. Қара Ә.	
КҮЙІК ХАННЫҢ ХАТЫ – ТАРИХИ ДЕРЕК КӨЗІ РЕТІНДЕ	608

ТАРИХ

Батырбаева М., Дёнингхаус В.	
ҚАЗАҚСТАНДА АЗАМАТТЫҚ АВИАЦИЯНЫҢ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ (1920–1940 ЖЖ.)	626
Бекенова А.А., Мухатова О. Х.	
1920-ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПАНАСЫЗ –	
БАЛАЛАР ҚЫЛМЫСЫНА ҚАРСЫ КҮРЕС	642
Берлібай Е., Жұбанышов Б., Сманова А.	
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚУҒЫН–СҮРГІНІНІҢ ЗАРДАПТАРЫ (1920-1950 жж.)	659
Жиренов А.А., Калан Э.	
«ТАУАРИХИ ГУЗИДЕ-И НУСРАТ НАМЕ»	
ШЫҒАРМАСЫНДАҒЫ ХОРЕЗМ ӘМІРІ ХУСЕЙН СУФИ	677
Капбарова Г.Ш., Амирбек А.А., Гүндоғду А.	
ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАНДАСТАРДЫҢ ҚОНЫСТАНУЫ	
МЕН ӘЛЕУМЕТТІК БЕЙІМДЕЛУІ: АЙМАҚТЫҚ ДИНАМИКАСЫ	
ЖӘНЕ КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫНЫҢ ӘСЕРІ (2000–2023 ЖЖ.)	689
Қапаева А.Т., Қасымова Д.Б., Қоңқабаева А.Н.	
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1920–1930-ЖЫЛДАРДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК САЯСАТ	
ЖӘНЕ ӘЙЕЛДЕР ДЕНСАУЛЫҒЫ: ТАРИХИ-ӘЛЕУМЕТТІК ТАЛДАУ	705
Мамытгова С.Н., Шаяхмет Н.У., Баталов Қ.Қ.	
ЕРТІС ӨңІРІ ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ ШАРУАШЫЛЫҒЫНДА	
ҚАРДЫ ПАЙДАЛАНУ ЖӘНЕ ҚАР ТОҚТАТУ ТӘЖІРИБЕЛЕРІ (XIX ғ. соңы – XX ғ. басы).....	725
Нұрымбетова Г.Р., Әбжанов Х.М.	
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН: С. СЕЙФУЛЛИН ТАҒДЫРЫ	738
Оспанова Р.Р., Мурзаходжаев Қ.	
XIX–XX ҒАСЫРЛАР ТОҒЫСЫНДА ЖЕТІСУ ӨңІРІНДЕГІ ЗАЙЫРЛЫ	
ЖӘНЕ МҮСЫЛМАНДЫҚ ОҚУ ОРЫНДАРЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ	
(АРХИВТІК ҚҰЖАТТАР НЕГІЗІНДЕ ПӘНАРАЛЫҚ ТАЛДАУ)	753
Сақтағанова З.Ғ., Жағыпар Ә.Б., Байгожина Г.М.	
1940–1945 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ ЖАСТАРЫ АРАСЫНДАҒЫ	
«ӨЗГЕШЕ ОЙЛАУДЫҢ» КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ	772
Сатенова М., Шотанова Г., Жетпісбай Н.	
XVIII–XIX ҒҒ. ҚҰЖАТТЫҚ ЖАРИЯЛАНЫМДАР НЕГІЗІНДЕГІ ОТАНДЫҚ	
АРХЕОГРАФИЯНЫҢ ДАМУЫ ТУРАЛЫ.....	789
Торайғыров Е.М., Джумашев А.М.	
XIX ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ	
ЕРТІС ӨңІРІ МЕН ЕРТІС ОН ШАҚЫРЫМДЫҚ БЕЛДЕУІНДЕГІ ЖАТАҚТАР.....	806
Түлешова Ұ.Ж., Галимов Е.А.	
ИМПЕРИЯЛЫҚ БІЛІК ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ЭЛИТАСЫ: КІШІ ЖҮЗДЕГІ БІЛЕУШІ	
СҰЛТАНДАР ИНСТИТУТЫН ТАРИХНАМАЛЫҚ ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ БАҒЫТТАРЫ.....	821
Түрсүн Х. М., Хазретәліқызы Р., Капбарова Г. М.	
МӘЖБҮРЛІ АУА КӨШУДІҢ ТАРИХИ ПСИХОЛОГИЯСЫ	840
Черепанов К.В., Омарова Г.А., Уалтаева А.С.	
АЛМАТЫНЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ САЯСИ ОРТАЛЫҒЫ РЕТІНДЕ ҚАЛЫПТАСУЫ (1920–30 ЖЖ.)	854
Шашаев Ә.К., Құрманалина Н.Н., Белоус С.Г.	
ЖЕТІСУ ОБЛЫСЫНДАҒЫ 1916 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІС КЕЗІНДЕГІ ПОЛИЦИЯ ҚЫЗМЕТІ	876

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ

Раздықов С.З., Сыдығалиев С. М., Хайназаров Б.Б.	
XIV–XV ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ҚАЗАҚ РУЛАРЫ ШЕЖІРЕСІНДЕГІ	
СОПЫЛЫҚ ТЕКТІ ОНОМАСТИКАЛЫҚ ЭЛЕМЕНТТЕР.....	892
Самашев С.Қ., Сапашев О.С., Сейітханұлы Ш.	
МОҢҒОЛИЯ ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ ЕН-ТАҢБАЛАРЫ.....	908
Сапатаев С.Ә., Қартаева Т.Е., Орынбасар Б.Қ.	
ШУ-ІЛЕ ЖӘНЕ ТАЛАС ӨЗЕНДЕРІ АҢҒАРЛАРЫНДАҒЫ ДУЛАТ ТАЙПАСЫНЫҢ	
МЕРЗІМДІК ҚОНЫСТАРЫ	926

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Алпысбес М.А., Хумарзах А. Кара А. ПИСЬМО ХАНА ГУЮКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	608
---	-----

ИСТОРИЯ

Батырбаева М., Дённингхаус В. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ (1920–1940 ГГ.)	626
Бекенова А.А., Мухатова О.Х. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ БЕЗПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ В КАЗАХСТАНЕ В 1920-Х ГОДАХ	642
Берлибай Е., Жубанышов Б., Сманова А. ПОСЛЕДСТВИЯ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ (1920-1950 ГГ.)	659
Жиренов А.А., Калан ЭМИР ХОРЕЗМА ХУСЕЙН СУФИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ТАВАРИХИ ГУЗИДЕ-И НУСРАТ НАМЕ»	677
Капбарова Г.Ш., Амирбек А.А., Гюндогду А. РАССЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАНДАСОВ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (2000–2023 ГГ.)	689
Капаева А.Т., Касымова Д.Б., Конкабаева А. Н. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЖЕНСКОЕ ЗДОРОВЬЕ В КАЗАХСТАНЕ В 1920–1930-Е ГГ.: ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	705
Мамытова С.Н., Шаяхмет Н.У., Баталов К.К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СНЕГА И ПРАКТИКИ СНЕГОЗАДЕРЖАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ КАЗАХОВ ПРИИРТЫШЬЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	725
Нурымбетова Г.Р., Абжанов Х.М. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В КАЗАХСТАНЕ: СУДЬБА С. СЕЙФУЛЛИНА.....	738
Оспанова Р.Р., Мурзаходжаев К. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕТСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РЕГИОНЕ СЕМИРЕЧЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ).....	753
Сактаганова З. Г., Жагыпар А.Б., Байгожина Г.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «ИНАКОМЫСЛИЯ» СРЕДИ МОЛОДЁЖИ КАРАГАНДЫ В 1940–1945 ГОДАХ	772
Сатенова М., Шотанова Г., Жетписбай Н. О РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ XVIII–XIX ВВ.	789
Торайгыров Е.М., Джумашев А.М. ЖАТАКИ ПРИИРТЫШЬЯ И ДЕСЯТИВЕРСТНОЙ ПОЛОСЫ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.	806
Тулешова У.Ж., Галимов Е.А. ИМПЕРСКАЯ ВЛАСТЬ И КАЗАХСКАЯ ЭЛИТА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА СУЛТАНОВ-ПРАВИТЕЛЕЙ МЛАДШЕГО ЖУЗА.....	821
Турсун Х.М., Хазреталикызы Р., Капбарова Г.М. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВЫНУЖДЕННОГО ОТКОЧЕВАНИЯ	840
Черепанов К.В., Омарова Г.А., Уалтаева А.С. ФОРМИРОВАНИЕ АЛМА-АТА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАЗАХСТАНА (1920–30-Е ГГ.)	854
Шашаев А.К., Курманалина Н.Н., Белоус С.Г. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	876

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ

Раздыков С.З., Сыдығалиев С. М., Хайназаров Б.Б. ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СУФИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГЕНЕАЛОГИИ КАЗАХСКИХ РОДОВ XIV–XV ВВ.....	892
Самашев С.К., Сапашев О.С., Сейитханулы Ш. ТАМГИ И ЕН КАЗАХОВ МОНГОЛИИ	908
Сапатаев С.А., Картаева Т.Е., Орынбасар Б.К. СЕЗОННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕНИ ДУЛАТ В ДОЛИНАХ РЕК ШУ-ИЛЕ И ТАЛАСА	926

ASIAN JOURNAL «STEPPE PANORAMA»
2026. 13(2)

Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:
Зикирбаева В.С.

Құрылтайшысы және баспагері:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:
050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Журнал сайты: <https://ajspiie.com>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЖЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй